

Глава 1

ПЯТЬ ОРГАНОВ ЧУВСТВ — МИНУС ВСЕ

Доктор сказал, что помочь стимулировать память помогут пять органов чувств.

Я загибаю пальцы: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Доктор особо выделил обоняние и слух. Начал задавать настойчивые вопросы. Что я слышала в тот момент? Какие звуки витали вокруг меня? Он говорил — не могло быть так, чтобы не существовало никаких звуков, так не бывает. Окружающая нас действительность не терпит тишины. Абсолютной тишины вообще никогда не бывает. Что вы слышали? Шум транспорта? Голоса? Может, кто-то кого-то звал? Пусть не близко, не рядом, а вдалеке? Шум ветра? Щebet птиц? Шорохи? Шуршание? Сирену полицейских машин и «Скорой»? Шум воды, льющейся из крана? Скрежет металла? Скрип половиц? Хлопанье дверей? Стук?

Я сказала, что не слышала ничего. И не слышу до сих пор. То есть слух мой не пострадал, и доктор это отлично знает. Я слышу хорошо, когда он спрашивает меня. И слышу все остальное. Но в памяти моей *я не слышу ничего*. Абсолютная тишина есть, она существует. Доктор не прав. Абсолютная тишина — как вата, как войлок окутывает меня, едва лишь я пытаюсь вспомнить.

Обоняние... И снова доктор очень настойчив. Он снова призывает меня сосредоточиться и вспомнить — чем пахло?

Ничем, милый доктор.

Очень интеллигентный, весьма воспитанный, с хорошими манерами, с отлично поставленным голосом, излучающий сочувствие и участие — добрый доктор-мозгоправ. Психотерапевт, приглашенный матерью по совету знакомых из «ее круга общения».

Он снова задает свои настойчивые вопросы, перечисляя — чем пахло тогда? Приятным, неприятным?

Запах травы? Хвои? Цветов? Влажной листы? Это же было лето — теплое дождливое лето. Может быть, пахло бензином? Гарью? Асфальтом? Деревом? Железом?

Духами? Одеколоном? Пóтом? Табаком?

Он не продолжает. Он ждет, склонив голову набок, что я отвечу. Я говорю за него, заканчивая список плохих запахов. Спермой? Мочой? Дерьмом? Блевотиной?

Ничем, ничем не пахло.

Нос мой словно заложило.

Я и до сих пор чувствую запахи, лишь поднося пахучий предмет совсем близко к ноздрям.

А тогда вокруг меня пахло ничем.

Доктор не упоминает запаха крови. Не упоминаю его и я.

Хотя, говорят, крови было много.

Но я не помню.

Никаких запахов я не ощущала. Я не помню запахов. И когда чувствую их сейчас — никаких ассоциаций. Никаких воспоминаний.

Память моя пуста.

Зрение как стимул вообще отпадает. Мне показывали фотографии той дороги в лесу. Приходили в больницу люди из полиции. И показывали мне фотографии, снятые уже *после того...*

Ну, после всего...

Говорили — взгляните, может, вспомните что-то? Вы ведь там шли.

Я шла?

Там?!

6 Осязание... С этим сложнее. Потому что я...

Нет, я не помню, что ощущали рецепторы моей кожи — холод, жар, влагу. Этого я не помню совсем.

Но когда осязание сопряжено со вкусом...

Вкус...

Я высовываю кончик языка, совсем как змея, пробуя окружающий мир.

Вкус...

Кончик языка свербит и чешется. Но я не помню ничего.

Точнее, я не могу описать это словами. У меня не хватает слов.

Доктор, когда я это ему сказала, снова предложил прибегнуть к помощи ассоциаций и метафор. На что это было похоже?

Вкус чего?

Что всплывает в памяти, когда вы — вот как сейчас, полуоткрыв рот, — прикусываете кончик языка зубами?

Что приходит на ум? Какой вкус? Вкус чего?

Мифы, доктор...

Я вспоминаю мифы. То, что я учила когда-то.

Какие мифы? Да разные. Вкус... вкус... вкус...

Яблоки Гесперид... Золотые, большие. У них медово-приторный вкус, они чем-то похожи на груши. Гере подарили их на свадьбу с Зевсом, из их семян вырос сад, и его охранял дракон. Гераклу, прежде чем он, совершив свой подвиг, нарвал этих яблок с ветвей, пришлось по щиколотку ступать в драконьем говне, служившем для яблонь Гесперид отличным компостом.

Яблоко Париса — оно кислое на вкус. Зеленое, с острой кислинкой, крупное. Похожее на те, что продают во всех супермаркетах.

Вкус кислоты... нет... вкус меда...

Гиметский мед — тот, знаменитый, с горы Гимет. Темный, засахаренный, полный кусочков отломанных сот и застрявших в них дохлых пчел.

Нет, нет, конечно нет...

Амброзия — пища богов. Вкус ее... жалок.

Это был лишь жидкий ячменный отвар, сдобренный медом.

Гранат... зерна... Еда Персефоны. Острый кисло-сладкий вкус, терпкость на кончике языка.

Язык свербит...

Но нет, не то. Ломака и притворщица Персефона в чем-то и точно как я. Маменькина дочка. И пережить ей пришлось немало. Спуститься туда... в царство мертвых, как и мне. И вернуться оттуда назад.

Но и это сравнение ложно. Это не вкус зерен граната.

Вкус молока козы Амалфеи с Крита...

Козье молоко. Я вообще не знаю его вкуса. Я никогда не пью молока — ни коровьего, ни козьего.

Вкус того, что ели Лотофаги... Говорят, они копались в иле и ели корни лотоса. Ну совсем как вьетнамцы!

Но это не вкус азиатской кухни.

Снова мимо.

То, что лопал Одиссей на пиру у Цирцеи, — сыр, жареная ячменная мука, вино...

Нет. Не то.

Вкус соуса Гарум, что так любили в Риме. Он же вонял! Его даже было запрещено изготавливать в городах. Людей тошнило от вони гниющих рыбьих внутренностей, что ферментировались в каменных ваннах на палящем солнце.

Но в Риме это ели.

Устричный соус?

Соевый соус?

Нет, не тот это вкус.

Это не сладкое и не соленое.

Не кислое.

Терпкое, да...

Так что кончик моего высунутого языка горит как в огне.

Я прикусываю язык зубами до боли.

В глазах доктора мелькает тревога. Он, похоже, что-то увидел на моем лице. Он мягко и очень настойчиво окликает меня. Я не отвечаю. Я давя на кончик своего языка сильнее и сильнее.

Доктор снова зовет меня по имени.

8

И еще раз.

И только тогда я реагирую. Я разжимаю зубы. Они так крепко стиснуты, что это дается мне с большим усилием.

Кончик языка по-прежнему в огне. Там острая боль.

В памяти моей по-прежнему ничего. Никаких воспоминаний. Там нет ни темноты, ни черноты, ни сумерек, ни тумана, ни мглы.

Там сплошная пустота.

По лицу доктора я вижу, что он по-прежнему встревожен. Его удивила и даже напугала моя реакция. Он старается не подавать вида — он профессионал. Но я это чувствую.

Он испытал безотчетный приступ паники и страха на нашем сеансе.

Что он подумал?

Что я решила откусить свой собственный язык?

И выплюнуть кровавый кусок моей плоти на этот девственно-чистый пол, покрытый ламинатом, в его кабинете, расположенном на девятом этаже бизнес-центра «Лотте-Плаза»?

Глава 2

ТОПОР

Что видели ангелы?

Что-то или кого-то они точно видели. Но лица их остались невозмутимыми.

Ангелы из белого гипса на своих невысоких постаментах. С крыльями за спиной, похожими на странную помесь крыльев птицы и бабочки. Ангелы-статуи, вылепленные из гипса без особого искусства и старания. Созданные по какому-то общему лекалу — с гладко причесанными кудрявыми головками, миндалевидными глазами без зрачков, без всякого выражения. Облаченные в белые гипсовые хитоны, бесполое, равнодушные скульптуры, годные лишь для того, чтобы их купили со скидкой по сходной цене и поставили где-то на кладбище над свежей могилой.

А что видели цапли и журавли?

Тоже вылепленные из гипса, раскрашенные водостойкой краской в серый, черный и белый цвет? Птицы-статуи, стоящие в траве в одиночку и попарно. Те, что в одиночку, обратили свои головы к земле, замерли в охотничьей стойке, поджав одну ногу и нацелив клюв в траву. Те, что попарно, распластали гипсовые крылья, изогнули гипсовые шеи, скрепленные проволокой, в безмолвном брачном танце.

Кого или что видел нелепый гипсовый орел, взлетевший на обломок серого камня? Орел неизвестной породы — может, беркут, а может, просто мутант, созданный воображением, — с кривым, хищно загнутым клювом и когтями, впившимися в грязный обломок, который уж никак не тянул на скалу или утес?

Что видела огромная гипсовая жаба, важно распластавшаяся посреди маленького садового фонтана фэншуй? Гипсовые жабы не квакают, не стреляют липким языком, когда мимо пролетает комар или оса. Гипсовые жабы фэншуй — нелепые, с распяленным ртом, усеянные гипсовыми бородавками, выкрашенные в грязно-зеленый, болотный цвет, — созданы для того, чтобы принести своим владельцам удачу и богатство.

Если жаба кого-то и видела, она не скажет, она промолчит. Так же, как гипсовые кладбищенские ангелы, и садовые журавли-цапли, и еще целый выводок фантастических существ, вылепленных из того же самого гипса: слоников-божков Ганеши, больших китайских черепках — символов долголетия и достатка, садовых гномов, кошек с выгнутыми спинами, гипсовых мопсов.

Может, вся эта немая скульптурная нежить вообще ничего не успела заметить, потому что...

Потому что нападение произошло молниеносно.

Женщина успела лишь открыть входную дверь, как в лицо ей полетела тряпка, мокрая, пропитанная чем-то едким, резко пахучим — ацетоном или нашатырем.

Один вдох и...

Мокрая тряпка облепила голову и лицо, лишая возможности дышать и видеть. Женщина вцепилась в нее рукой, пытаясь содрать с лица, пытаясь

крикнуть, но вместо крика из обожженного химическими парами горла вырвался лишь хрип.

А в следующую секунду в лицо женщины — в ее скулу — вонзилось тяжелое лезвие топора.

Этот самый первый удар мог стать смертельным, но рука, сжимавшая ткань, приняла на себя всю его страшную силу.

Безымянный и указательный пальцы — отрубленные, словно сухие хворостинки, — отлетели к стене.

Женщина глухо и пронзительно закричала и упала навзничь. Ничего не видя из-за тряпки, подобно савану, укутавшему ее голову, кашляя кровью, заливающей ее рот и лицо, она перевернулась на живот, пытаясь встать на четвереньки.

И тут лезвие топора вонзилось ей в спину в области крестца.

Кровь хлынула потоком на дощатый пол. Женщина все пыталась приподняться. В какой-то миг ей даже это удалось, но она тут же рухнула снова, увлекая за собой то, за что пыталась ухватиться здоровой рукой. Тяжелые предметы упали на пол, что-то разбилось, загрохотало. Она не видела ничего — ослепленная, сраженная болью, истекающая кровью, она хрипела, извиваясь на полу.

И вот она почувствовала, как кто-то наступил ей на спину ногой, сильно прижимая ее к полу, не давая возможности ползти.

Лезвие топора обрушилось снова. Она дернулась в агонии, и тот, кто убивал ее, промахнулся — метил ударить в область шеи, но топор отклонился от ее судорожного толчка, и лезвие вонзилось в левую лопатку, перерубив кость.

Она уже не могла кричать. Горло заливало горячим.

Она знала: это ее кровь.

Она знала и то, что через секунду умрет.

Топор обрушился ей на затылок, и черепная кость раскололась.

Потом были слышны звуки новых и новых ударов — словно на деревянной колоде топором рубили мясную тушу.

Женщина давно уже была мертва, но ее добивали и добивали, рубили, рассекали, словно страшась того, что искорка жизни все еще могла сохраниться в бездыханном, истерзанном теле.

Глава 3

НЕГЛУБОКАЯ МОГИЛА

Катя — Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-службы ГУВД Московской области — не могла понять, отчего полковник Гушин так встревожен.

Фразы, которые она от него услышала, казались ей непоследовательными и лишенными всякой логики. Сначала он сказал: *Это дело мы никогда не раскроем. Это глухарь.*

А потом, когда они уже воочию увидели ту неглубокую могилу в перелеске у Калужского шоссе, он изрек: *Это дело плохое, это дело совсем дрянь.*

Катя не помнила, чтобы полковник Федор Матвеевич Гушин — шеф криминального отдела — когда-либо прежде делил убийства на *плохие и хорошие*. В этом не было логики.

Логике не наблюдалось и в других его словах в эту субботу.

Катя встала в это утро очень рано. Давно хотела в свой законный выходной со вкусом, толком, расстановкой побегать в Нескучном саду. До Нескучного сада от Фрунзенской набережной, где находится ее дом, — рукой подать, только мост перейти. Перебежать.

Катя оделась по-спортивному, обула новые кроссовки, взяла маленький рюкзачок — бутылка минералки, зеленое яблоко. Словом, все, о чем пишут глянцево-журналы, когда рекомендуют своим продвинутым читательницам утреннюю пробежку на свежем воздухе.

День выдался ясным и прохладным — середина октября напоминала, что не за горами заморозки. Нескучный сад в это время года очень красив. Сюда тянутся со всей Москвы — побегать, покататься на вело-

сипеде, просто прогуляться, обозревая и сам Нескучный, и Парк Горького в его новом облике.

По мосту Катя поскакала как кузнечик — прытко и совсем не заботясь о дыхании для долгого марафона. И как следствие — уже в начале аллеи Нескучного задохнулась. Постояла, наклонившись и уперев руки в колени. Да, прыть надо убавить, а то метров через пятьсот не то что не побежишь, а поползешь словно улитка.

Она отдышалась и легонько затрусилась вперед, но не успела даже углубиться в парк, как зазвонил ее мобильный — настойчиво и громко.

Катя тогда подумала — не буду отвечать. Кто бы это ни был, не отвечу. У меня выходной, я в парке, настроилась на пробежку, на горячий душ после, хороший завтрак и лень без конца и без края.

Она достала телефон и глянула, что за номер, — полковник Гуцин. Его личный мобильный.

Не буду отвечать...

Телефон все звонил, звал.

Не стану...

Не буду есть, не стану слушать... Подумала — и стала кушать.

Она ответила.

Гуцин сказал, что на каком-то там километре Калужского шоссе — она не запомнила, на каком, — в перелеске обнаружен труп. Он, мол, туда собирается выехать. А затем он добавил ту самую фразу: «Это дело мы никогда не раскроем».

Катя хотела сказать — ну и ладно, бог с ним. Мало ли трупов и нераскрытых дел!

Но Гуцин ее удивил: «Вот когда я тебя с собой беру, мы все раскрываем. Такие дела распутываем!»

Катя подумала: что это — комплимент ее уму, сообразительности или просто констатация факта, что она для полковника Гуцина что-то вроде счастливого талисмана, кроличьей лапки?

— Я хочу, чтобы ты тоже поехала, — проговорил Гуцин. — Это дело глухарь. Там писать уж

точно особо не о чем. Тебе как репортеру это будет малоинтересно. Но я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Ну где логика, скажите? Где во всем этом логика?

Катя подумала, сколько раз прежде она сама чуть ли не с боем добивалась, чтобы полковник Гушин брал ее — криминального обозревателя Пресс-центра — на места убийств. Сколько сил она положила на то, чтобы между ними возникло доверие.

Случилось почти невозможное, такое редко бывает в реальной полицейской жизни между представителями разных служб: они не только стали доверять друг другу, они подружились! И правда, были такие дела, такие случаи.

И вот шеф криминального отдела — вещь небывалая, неслыханная в полиции — стал порой сам (!) звонить ей — криминальному репортеру Пресс-центра — и приглашать на места преступлений.

Катя надувалась от гордости, считая, что помогает ему в расследовании. А то! Но вот оказывается, что дело-то вовсе не в этом, не в ее способностях. А в том, что шеф криминального отдела, в общем-то, суеверен, как и большинство людей, часто имеющих дело с опасностью и смертью.

Он внушил себе, будто Катя — нечто вроде счастливого талисмана.

Катя сказала, что она бежит в Нескучном и ей потребуется час на то, чтобы вернуться домой и собраться.

А что еще она могла ответить? Послать шефа криминального отдела куда подальше? Так он в следующий раз, когда стряется суперсенсационное убийство, погонит ее палками прочь!

Ну, съездит она, глянет на тот труп, на этот глухарь.

Гушин сказал, что через час подъедет и заберет ее из дома.

В эту субботу полковник вел служебный джип сам — его шофер приболел. И Катя видела, что давненько Гушин не брал в руки шашек... то бишь не садился за руль сам, привыкнув к переднему пассажирскому сиденью.

Катя переделалась в сухое — спортивный костюм даже после столь недолгих физических упражнений промок от пота. Она успела принять горячий душ. Но совсем не стала пользоваться косметикой — никакой. Кто там ее станет разглядывать, в этом лесу у Калужского шоссе? Эксперты? Они сами небось с пятничного похмелья. На полковника Гущина Катя вообще внимания не обращала.

Нет... Вот тут она сама с собой лукавила. После Истринского дела, когда полковник Гушин своей решительностью и быстротой действий фактически спас от смерти маленького ребенка, Катя смотрела на толстяка-полковника словно другими глазами. Будто какая-то завеса приоткрылась в их отношениях.

Гушин надел старую куртку, под этой старой курткой у него был старый костюм — чтобы не трепать новый по грязи в лесу. Он был чисто выбрит, и его глянцеваья лысина блестела как зеркало.

Пока они ехали ни шатко ни валко по Москве, по Профсоюзной улице, он помалкивал. Но где-то в районе метро «Калужская» вдруг многозначительно изрек:

— Перушкин тут на днях спрашивал меня о тебе. Интересовался.

Катя не сразу поняла, о ком речь. А, новый начальник штаба — маленький прыщавый человечек с усами, переведенный в областной главк откуда-то с глубокой периферии. В последние годы это просто стало какой-то напастью — нашествие «понаехавших» из самых глухих углов. Видно, где-то наверху укрепились во мнении, что периферийники на руководящих постах в полиции, не связанные со столичными элитами и делами, не станут брать взятки или будут их брать с меньшей алчностью. «Понаехавшие» в большинстве своем были люди малообразованные и серые как мыши, но с невероятными чисто провинциальными амбициями. Все они как огня боялись дальнейшей ротации кадров и возвращения со столичных хлебов назад в свою тьмутаракань и потому всеми правдами и неправдами пытались зацепиться за московскую жизнь. Кто как — кто учебой в академии МВД, а кто женитьбой на москвичке.

— Проявлял настойчивый интерес, — продолжил полковник Гушин. — Спрашивал, между прочим, как ты... с кем... замужем ли.

— Федор Матвеевич, я замужем.

— Я так и сказал Перхушкину. Упомянуть не стал, что вы с мужем живете раздельно.

Катя покосилась на Гущина. Кто бы говорил! Не далее как несколько лет назад главк потрясли сенсационные подробности личной жизни самого шефа криминального отдела. Выяснилось, что примерный муж и семьянин много лет имел и вторую семью, и побочного сына. Сынок был верзила и богатырь — Катя имела честь с ним познакомиться в ходе расследования одного из дел.

Супруга Гущина метала громы и молнии, грозила разводом. Они официально не развелись, однако тоже находились в стадии многолетнего раздельного проживания.

— Я сказал Перхушкину, чтобы он о тебе и думать забыл.

— Да, это вы ему хорошо сказали, Федор Матвеевич, — Катя улыбнулась толстяку.

Неизвестно, что подумал при этом прыщавый выскочка с периферии. Наверное, решил, что Гушин сам положил на нее глаз...

— В одиночестве нет никакой пользы, — назидательно заметил Гушин. — Но каждый сам выбирает свой путь. Вы с мужем — люди молодые, вполне еще можете...

— Вряд ли мы будем когда-то опять вместе, — сказала Катя. — Что-то не верится.

— В общем, это ваше дело. Это не мое дело, — Гушин снова глянул на Катю. — А Перхушкин уж точно здесь третий... может, даже четвертый лишний.

Катя покивала — скучно вам, Федор Матвеевич, неохота ехать в свой выходной по вызову на место обнаружения какого-то там трупа, вот вы и чешете языком, проявляете заботу и любопытство, и снова заботу о своем «маленьком друге» — бедном одиноком криминальном репортере, что когда-то помог вам распутать пару-тройку сложных дел.

16   Беседа таким образом, они оказались там...

Там, где все это и началось.

Там, где не было уже места ни скуке, ни праздному любопытству.

Там, где царил лишь страх.

Хотя поначалу весь этот таинственный и жуткий кошмар и правда выглядел как полный «глухарь».

Выйдя из машины, Катя в первую минуту увидела лишь хаос этого места. Калужское шоссе, некогда такое узкое, подверглось масштабной реконструкции. Его расширяли, строили эстакады, закладывали новые полосы движения, нещадно и варварски уничтожая весь прилегающий к дороге ландшафт. Горы грязи, рвы жидкой глины — ничего, кроме грязи и глины, в которой увязала строительная техника. Все это было там, возле Калужского шоссе, и все это волной накатывало на то, что ютилось рядом.

Гущину пришлось объехать огромный массив Хованского кладбища, примыкавший к нему строительный рынок, больше похожий на трущобы, вырулить на узкое шоссе, проложенное к поселку, который состоял из домов-кондоминиумов, отгороженных от хаоса стройки бетонным забором. Окна домов смотрели на все это утонувшее в грязи безобразии хмуро и сонно.

Им пришлось обогнуть по кругу еще один поселок, расположенный чуть дальше от шоссе, — здесь, среди старых обветшалых дачных домов, высились новые особняки из красного кирпича. Проселочная дорога нырнула в перелесок, что располагался между поселком и шоссе.

Катя увидела полицейские машины. Гущин остановился — дальше пешком, недалеко.

Стоя на опушке этого клочка подмосковного леса, Катя огляделась по сторонам. От поселка их отделяло не более полукилометра. Еще ближе располагалось Калужское шоссе с перепаханными строительной техникой обочинами. В грязи навалены бетонные сваи, трубы, тут же горы мокрого песка. А вдали среди всего этого грязного строительного хаоса маячат два здания прекрасной архитектуры — словно два корабля, все сплошь из стекла — такие, что и в центре Москвы особо

не встретишь, потому что подобная продвинутая «стеклянная архитектура» — редкость.

Здания под офис-центры суперсовременной конструкции построили в «жирные» годы, когда цены на столичную недвижимость нещадно росли и фирмы и компании перебирались за МКАД.

И вот эти чудесные стеклянные корабли сейчас выглядели так, словно сели на мель среди океана глины, израненной земли, ям и колдобин. Немытые витражи окон и стен покрывала толстой коркой серая пыль и коричневая взвесь глины. Все подъездные пути были разрушены и разбиты. Суперсовременные стекляшки выглядели мертвыми и заброшенными.

Позже Катя все вспоминала это место, полное почти физической боли изнасилованной стройкой земли. Это были идеальные декорации для Смерти. Для той *неглубокой могилы, в которой они обнаружили первого мертвеца.*

Труп в лесу, как сообщил подошедший к полковнику Гущину оперативник, обнаружила собака. Ее хозяин отправился прогуляться со своим четвероногим питомцем из поселка в местный лес. Спустил пса с поводка, пес нырнул в заросли и начал хрипло лаять. Когда хозяин подошел, то увидел, что тот остервенело роет палые листья и землю и рычит, словно учуял под землей что-то опасное. Затем пес вцепился зубами в какую-то синюю ткань или пластик и начал тянуть, продолжая рыть землю. Когда его хозяин подошел и начал оттащить пса за ошейник, то увидел в разрытой дыре *ничто.*

Ногу в ботинке.

— Он сразу позвонил в полицию. Мы приехали, — сообщил Гущину оперативник. — Самого очевидца попросили задержаться. Он возле машин, собака там же. Не псина, а монстр.

Гушин глянул на очевидца издали, подходить не стал. Катя подозревала — потому что рядом маячила эта псина. Не какой-то там домашний любимец — ретривер или мопс, даже не овчарка — огромный черный мастино-наполитано. Зверюга устрашающего вида с морщинистой мордой, заляпанной слюной и

приставшей к ней хвоей и грязью, и налитыми кровью глазами навькате.

Неудивительно, что с таким чудовищем его хозяин уходил гулять в лес, подальше от поселка. Пес скалил зубы и глухо рычал на полицейских.

Полковник Гущин попросил, чтобы с очевидца сняли показания по форме и отпустили восвояси — вид пса его нервировал.

Оперативник повел их в заросли.

То, что им предстояло увидеть, находилось в небольшой промоине рядом с пнем поваленной ели.

Катя снова оглянулась назад — отсюда Калужское шоссе не видно. Кругом кусты. Здесь очень компактное, замкнутое, закрытое пространство.

— Неглубокая могила, — сказал оперативник. — Воспользовались промоиной, немного подкопали и забросали сверху тело землей и листьями. Собака легко учуяла запах.

Сейчас, когда лесная могила была вскрыта полицией, Катя тоже ощутила этот запах. Его ни с чем не спутаешь. Запах разложения.

Что-то синее... Типа клеенки или пластиковой шторы для душа — там, в этой рытвине.

Эксперт-криминалист кивнул им и осторожно откинул измазанный глиной саван.

И сразу что-то там побежало, поползло, извиваясь, корчась, пытаясь скрыться от света. Катя быстро отвернулась. Насекомые. Падальщики. Жуки, черви, личинки-трупоеды. Пусть они снова зароятся в землю. Потому что наблюдать за их пиршеством нет сил.

Через несколько секунд она все же заставила себя посмотреть. Но широкая спина полковника Гущина заслонила от нее то, что было внизу. Потом он чуть переместился влево, и Кате словно по фрагментам стало являться место захоронения.

Осыпавшиеся стенки ямы. Желтая, измазанная чем-то бурым кость — позвоночный столб, торчащий из туловища. Дикое, нелепое зрелище — часть

позвоночника, торчащая прямо из воротника грязной куртки серого цвета.

Катя закрыла глаза. Глубоко вздохнула.

Зачем Гуцин привез меня сюда?

Это был труп женщины без головы и кистей рук. Из воротника куртки торчал острый фрагмент позвоночника. Из задравшихся, пропитанных бурым — наверняка кровью — рукавов торчали разбитые кости.

Серая куртка не застегнута. Под ней — залитый кровью серый шерстяной свитер. Грязные джинсы спущены вместе с трусами до колен, и там, в области половых органов...

Катя снова отвернулась.

— Ни головы, ни рук. Мелкие осколки, фрагменты костей. Не пилой отчленили, — полковник Гуцин склонился над ямой. — Убийца сделал все, чтобы тело не опознали.

Катя отошла чуть подальше — запах гниения выворачивал наизнанку. Да, отсутствие головы и кистей рук говорит о том, что были приложены усилия, чтобы убитый остался неопознанным. То, что отчленили кисти, говорит еще и о том, что убийца знал, что личность жертвы можно установить по отпечаткам пальцев. А это возможно лишь в случае, если жертва была ранее судима.

— Криминальные разборки? — спросила Катя по репортерской привычке — лишь бы говорить, не думать, не смотреть туда, а то вырвет. Голос ее звучал странновато, потому что она все пыталась между словами дышать ртом и ни в коем случае не носом — эта вонь!

— Не знаю, — ответил Гуцин. — Факт, что голову и кисти ему оттяпали чем-то не похожим на пилу. Варварски оттяпали. И потом эти пятна в паху, похоже на ожоги... Какова давность смерти, по-вашему?

Это он спросил у местного эксперта-криминалиста.

— Вскрытие даст точный ответ. По моему мнению, судя по состоянию тела, не менее трех дней, — ответил тот. — Мы его на месте осматривать не будем, аккуратно

извлечем и отправим патологоанатому. Состояние трупа таково, что осмотр и исследование

надо проводить комплексно, в прозекторской. Я созвонился с коллегой Сиваковым. Он сегодня дежурит по области, и у него окно. Он сказал, чтобы труп везли прямо к нему.

Катя поняла: состояние наспигованного червями и жуками тела таково, что эксперт боится, что оно лопнет, расплзется у него прямо в яме, если он будет его там ворочать, осматривать.

Эксперт и оперативники начали доставать тело. Гущин внимательно наблюдал за их действиями. Когда труп покинул свою неглубокую могилу, полковник осмотрел яму — там ничего не было, кроме земли и палых листьев.

— Судя по всему, убили не здесь. Сюда привезли и похоронили. А что стало причиной смерти? — спросил он эксперта. — Раны на половых органах?

— Что-то я сомневаюсь, — ответил тот. — Они выглядят скверно, однако это все внешние повреждения. Возможно, причиной смерти стала черепно-мозговая травма. Но головы его у нас нет. Экспертиза что-то прояснит — состояние его внутренних органов, анализ крови.

Гущин натянул резиновые перчатки и сам лично обыскал куртку безголового.

— Ничего. В карманах пусто — ни документов, ни бумажника, — он хотел было перейти к обыску спущенных брюк, уже потянул на себя ткань, пытаясь расправить, однако эксперт помешал ему:

— Федор Матвеевич, нет. Оставьте осмотр до лаборатории. А то я боюсь, что мы его внутренности с листьев начнем собирать.

Гущин сразу же отступился. Экспертов он всегда слушал.

Пока тело очень осторожно, на брезенте, несли в вызванную «труповозку», он спросил у местных оперативников, что с осмотром прилегающей территории.

— Сами видите, какой листопад, — оперативник показал на толстый слой палой лисья под ногами. — Там, там и там зафиксировано нарушение

слоя листьев и перегноя, похоже на след волочения. Труп волокли до этого места на той самой синей шторе для душа, которой потом тело и накрыли при закапывании. Следов ног того, кто это сделал, на этой почве мы не нашли и не найдем. Следов машины нет. Его сюда волоком тащили.

— Ясно, что не оттуда, — Гушин кивнул на заросли, за которыми гудело Калужское шоссе. — Скорее всего приехали по проселочной дороге. Возможно, ночью.

— Почему ночью? — спросила Катя.

— Риска меньше, — ответил Гушин. — Хотя сейчас темнеет уже рано. И я не думаю, что убийца местный.

— Почему? — Катя уже заинтересовалась.

— Местный нашел бы другое, гораздо более пригодное и уединенное место в этом лесу. А тут ясно — воспользовались первой попавшейся ямой недалеко от проселка. Постарались поскорее избавиться от тела, даже закопали кое-как. Собака вон в одночасье нашла.

— Значит ли это, что и убитый — тоже не здешний?

Гушин глянул на нее. И она увидела на его лице — обычно бесстрашном, порой даже ленивом — тревогу.

Она никак не могла взять в толк, отчего полковник Гушин так встревожен. Мало ли было в его практике неопознанных тел? Мало ли трупов, лишенных головы и кистей? Криминальные разборки. Скорее всего это какой-то браток-уркаган. Свои же и прикончили. И сделали все, чтобы ни по фотографии, ни по отпечаткам пальцев из полицейского банка данных его не опознали.

Печально, конечно, если это дело так и останется глухим висяком, *глухарем*, как выразился полковник Гушин. Но мало ли? Что поделаешь? Не все убийства раскрываются. Такова реальность.

Но этот взгляд Гушина...

— Федор Матвеевич, что с вами? — тихо спросила Катя. — Я же вижу — что-то не так. И вы... вы словно привидение увидели.

Гушин лишь глянул на нее снова.

— Посмотри на его раны. — Он наклонился к ней близко, шепнул: — На кости рук. Он был

еще жив, когда руки ему отрубали. Видишь, вся ткань куртки на рукавах и на полах пропитана кровью. Он был еще жив... Начали не с головы. *Это дело плохое. Это дело совсем дрянь.*

Катя ощутила холодок, пробежавший у нее по спине.

Почему-то она сразу в ту минуту поверила Гущину на слово.

Но потом тут же усомнилась — нет, нет, такое уже бывало раньше, трудности для опознания, криминальная разборка...

Она хотела сказать, что уж в морг, в прозекторскую, она ни за что не поедет! Пусть уж Гущин с Сиваковым там сами...

Но что-то ее остановило.

Катя впоследствии все думала: что же ее тогда остановило? Она ведь не хотела ввязываться в это дело с изувеченным телом. Она не испытывала никакого репортерского любопытства. Обычно это было движущей силой всех ее поступков. Но в этот раз — нет. Ей, наоборот, хотелось убраться оттуда подальше. Но она не убралась. Она поехала вместе с Гущиным на вскрытие.

Не испытывая любопытства, она все же хотела знать — что же так встревожило выдавшего много чего плохого полковника Гущина. Она хотела выяснить, что же с этим неизвестным безголовым трупом не так.

Глава 4

МЫ ЖИВЕМ НА ПАТРИКАХ. ЭПИКУРЕЙЦЫ

Регина Кутайсова стояла у окна спальни и наблюдала редкое явление: над Патриаршим прудом, который упорно в столице именовали исключительно во множественном числе «Патриаршими прудами», бушевал осенний ветер.

Вроде нет более тихого, стесненного со всех сторон домами места в столице, защищенного фасадами и крышами от бури и ненастья, — а вот поди ж

ты! Ветер свистел и выл, трепал кроны парковых лип как мочало, сдувая с них желтые и багряные листья. Ветер вызывал на гладкой, зеленой, как бутылочное стекло, поверхности пруда не только обычную рябь, но даже маленькие волны, с тихим плеском набегавшие на выложенные плиткой берега.

Вдруг он внезапно стих, словно умер, словно канул на дно зеленого пруда, который в разные часы — дневные, ночные, утренние, вечерние — кажется разным, чуть ли не уменьшается и не увеличивается в своих размерах. Вот сейчас Регине Кутайсовой, рассматривавшей Патриарший пруд из окна спальни как некую невидаль, зеленый четырехугольник казался неправдоподобно маленьким. Этакая лужица застоявшейся воды в бетонных берегах, капля в море Москвы.

Восемь утра. Суббота. Время для Патриарших мертвое. О нет, для Патриков... Ну конечно же — Патрики, Патрики. Мы живем на Патриках.

После вечера и ночи пятницы, после пятничного загула и расслабухи Патрики дремлют. Патрики крепко спят.

Из окна спальни Регины — единственной комнаты — открывается великолепный вид на Патрики. Окна всех остальных комнат выходят в тесный двор — ухоженный, но все равно похожий на колодец.

Квартира Регины угловая, она примыкает к соседнему серому дому — бывшему доходному, подвергшемуся реставрации. Квартира Регины расположена в розовом доме — том самом, что первым обращает на себя внимание всех прохожих на Малой Бронной, в районе пруда, всех туристов, приезжих, зевак, любопытных. Этот дом чаще всего фотографируют на айфоны, делают селфи на его фоне, чтобы потом выложить на «Фейсбук» или «ВКонтакте».

Дом красив и элегантен как принарядившийся черт. Но колер краски вызывает у впечатлительных людей дрожь. Кто додумался выкрасить такой импозантный дом в этот гнойно-розовый цвет, что наводит на мысль о зажившей после ожога коже? Или того хуже — цвет дождевых червей, что в теплые деньки вы-

ползают на солнышко на аллеях сквера, окружающего пруд, полакомиться перегноем и палыми листьями?

Да, тот самый дом, где бутик сексапильного белья «Агент Провокатор», где чудная французская кондитерская, где прежде располагался знаменитый на всю Москву бутик модной одежды.

Бутик теперь закрыт, пустая витрина залеплена какой-то тканью. Однако это не нарушает импозантности розового дома.

Глядя на этот дом, туристы и гости столицы как один восклицают: «На углу у Патриарших! Ну надо же!» Да, но вообще-то и нет. Это только для приезжих лохов. Дело в том, что у пруда — четыре угла. Помните, как в старой песенке про беспризорников? «У кошки четыре ноги... Тра-ля-ля, тру-ля-ля и... хвост. Но трогать ее не могли за ее малый рост!» По четырем углам пруда — угловые дома Патриков, и по Ермолаевскому переулку, и по Большому Патриаршему переулку, и по Малой Бронной — борются не на жизнь, а на смерть за это самое название: «На углу у Патриарших».

И все правы, хотя все и недовольны. И серый дом, и грязно-белый дом с вынесенными по моде тридцатых годов шахтами лифта, прилепленными к стене, словно серая стальная гусеница, и желтый дом, и тот бывший доходный непонятного цвета, где ресторан «Фреш», обожаемый веганами и ботаниками. И новый дом с отделанным мрамором вестибюлем в стиле Пятой авеню, и красный дом на Малой Бронной, где магазин «Галантерея». Все эти дома по праву хотят называться «на углу у Патриарших» и не уступать выскочкам и нуворишам из гнойно-розового дома этот устоявшийся в умах народных бренд.

О, по части народа! Регина присматривается из своего окна получше, шурит прекрасные серые глаза свои. У нее отличное зрение. В свои пятьдесят она отлично видит и вдаль, и вблизи, а если и нацепляет на нос стебные очки в оправе от Гуччи или Вивьен Вествуд, то это лишь для того, чтобы порой скрыть под глазами темные тени от бессонной ночи. Никто из самых при-

дирчивых критиков не дает ей в ее полные пятьдесят настоящего возраста, хотя она никогда его и не скрывала.

Да, по части народа. Народ уже тут как тут! Это в четверть-то девятого утра! Регина из окна видит, как по аллее сквера уже чешут первые зеваки. Это Замкадье прислало своих гонцов, не иначе!

Регина сама в оны еще времена наблюдала, возвращаясь с затянувшейся до рассвета вечеринки, это смешное и наивное, весьма поучительное зрелище: даешь Патрики! Айда, прошвырнемся по старым московским снобским буржуйским местам!

Из зева метро «Маяковская» в выходной, словно пчелы из улья, вылетают дамы с красными обветренными лицами и рабочими мозолистыми руками, одетые так, как и полагается одеваться провинциальной интеллигенции, часто сжимающие в руках поддельные сумки от Луи Вуитон, что видно за километр — вот, и мы не хуже людей! Выпархивают, как мотыльки, горластые коренастые девицы в джинсах, с рюкзачками за спиной, кидаются к первому утреннему прохожему на Садовом кольце и орут: как пройти на Патрики?! Куда нам идти к Патриаршим прудам? А где музей-квартира Булгакова? Где Нехорошая квартира?

Получив совет-указание, они поворачиваются и рысью бросаются вперед — целеустремленные, шумные, полные решимости в свой выходной все здесь увидеть и познать и, самое главное — позавтракать в одном из прославленных в сети здешних кафе. Чтобы потом выкладывать фотки в «Инстаграм», собирая лайки — а вот я в свой выходной в Москве! Я ем и пью что тут дают, на этих самых Патриках. И, в общем-то, ничего, круто! Я могу себе позволить! А вы, все остальные, можете, а? Слабо?

Регина всегда считала, что это и есть подвиг народный. А что? Встать в пять утра в свой выходной. Пешком добраться до станции, сесть в электричку на Москву, трястись в ней кто сколько — кто два часа, кто три, а кто и больше. И потом целый день слоняться по Малой Бронной, по Спиридоновке, по Ер-

молаевскому, по Козихинскому переулку, выбивая из ног глухоту, глаза, познавая этот новый столичный мир. И один-единственный раз за весь выходной позволяя себе поесть, потому что денег все же в обрез. А цены в местных заведениях кусаются.

А что вы хотите? Кризис. Нет, как сейчас дипломатично выражаются — новая экономическая реальность. Здесь, на Патриках, все быстро смекнули и вздедюрили цены. Потому что ни в какую новую реальность местные аборигены — люди ушлые, прожженные, относительно обеспеченные — не поверили. А поверили сразу в великую депрессию.

Но это так... шшшшшшшш! Это строго между нами. Сейчас ведь вообще ни о чем таком не принято говорить с посторонними. Здесь, на Патриках, от таких вредных разговоров всегда уклонялись — и в двадцатых, и в тридцатых, и в пятидесятых, и даже в шестидесятых — в годы оттепели тоже не особо болтали. И в годы застоя, и позже... И сейчас...

О таких вещах с Региной говорит из всех здешних соседей, приятелей и знакомцев лишь ее верная подруга Сусанна Папинака. Но она еще спит. Душечка Сусанна так рано вообще не встает.

Первые утренние зеваки-замкадыши — это муравьи-труженики. Они совсем не похожи на тех беззаботных столичных стрекоз — пьяниц и плясуний, что стекаются на Патрики по вечерам, когда двери всех ресторанов, пабов, кафе и баров открыты, когда все эти знаменитые пропитые места забиты под завязку шумной нетрезвой публикой, когда — страшно сказать — в самых посещаемых точках зверствует беспощадный фейсконтроль, отшивая несчастливцев, рвущихся за стойку поближе к бармену и красоткам, что блистают, как стразы.

Зеваки, которых наблюдала из окна Регина, шествовали по аллее вдоль пруда и, конечно же, искали ту самую скамейку, где сидели Воланд и Берлиоз, калякая о божественном, и пытались определить точное место, где было пролито то самое постное масло

у турникета. И главное — куда откатилась голова, отчекрыженная карающим за атеизм трамвайным колесом.

Ох уж эти зеваки... Регина не отрывала от них глаз, вспоминая и себя, когда они с мужем Платоном — ныне бывшим супругом — двадцать лет назад купили по великому везению эту самую квартиру в сто пятьдесят квадратных метров здесь, на Патриках, в этом красивом доме. И не по такой уж запредельной цене, потому что тогда цены на недвижимость еще только нащупывали новые возможности и горизонты.

Она тоже в первый свой год здесь, на Патриках, все пыталась для себя понять, где была та скамейка и где турникет. А когда представила, ее ужас охватил. Чертов трамвай ведь тогда заворачивал прямо с Ермолаевского. А это значит, что он проезжал по узким переулкам и улице чуть ли не возле самых окон, грохоча, лязгая, дребезжа и тренькая звонком, да еще походя расчлняя на части каких-то забулдыг, поскользнувшихся на разлитом на мостовой прогорклом жире.

Трамвай под самыми окнами Патрики, Ермолаевский и Малая Бронная, к счастью, изжили, самоликвидировали. Причем давным-давно. Здесь, на Патриках, тихой сапой всегда умели соблюсти собственный интерес. Вот на Чистых прудах, где, между прочим, квартиры тоже ой какие дорогие, там до сих пор грохочут, ползают уродливые трамваи, будя по ночам нервных обитателей дорогих домов.

А на Патриках — нет!

Регина услышала какой-то шум за спиной. Оторвалась на мгновение от окна. Дверь ее спальни распахнута — за ней анфилада комнат, превращенных в единое пространство, сумерки утра и ее дочь...

Старшая дочь в ночной рубашке, своей нелепой изувеченной походкой устремляющаяся довольно бодро и совсем не сонно в сторону туалета.

Регина проводила ее взглядом.

Как она ходит, ее дочь... ее старшая дочь?..

И как ходила раньше. И дело не только в походке и увечьях.

Дело еще в том, что...

Регина снова отвернулась к окну. Нет, не надо с утра это поднимать со дна своего сердца. Это и так ежеминутно, ежедневно — в ней, там, внутри, вся эта боль, жалость, ярость...

Все, что связано с ее старшей дочерью и ее судьбой.

Сейчас, встав с постели — что-то ведь ее разбудило, ветер, наверное, этот ветер, такой неожиданный, невиданный над лужей старого пруда, — она просто хотела спокойно помедитировать, понаблюдать окружающую ее жизнь.

Это ведь новая жизнь для нее, для Регины. После развода с мужем Платоном прошло пять месяцев. И все это время она и ее старшая дочь живут здесь, в их квартире на Патриарших.

Муж оставил за собой их большой особняк на Новой Риге. Там сейчас новая хозяйка, его молодая жена. И там живут другие дети — сын и младшая дочь.

Хотя это последнее ничего не значит. И сын, и младшая дочь почти постоянно здесь. Они приезжают. Они навещают ее, Регину, они помогают и своей старшей сестре в ее несчастье.

Для них, ее младших детей, Патрики — родные места. Здесь все они, вся их семья Кутайсовых, прожили несколько вполне счастливых лет. Здесь сын и дочь пошли в школу — ту, что на Большой Бронной улице, известную в Москве как «очень-очень хорошая, престижная школа», где помимо английского и французского, помимо отличного курса литературы и естественных наук, изучают также славянские языки: чешский, польский, сербский. Школа находилась в двух шагах от знаменитого кирпичного дома «на перекрестке», где некогда так широко и весело жила дочка партийного Генсека и обитали разные знаменитости из мира театра, музыки и кино.

Когда они всей семьей переехали на Новую Ригу, в большой, со вкусом отстроенный особ-

няк, школу пришлось, увы, сменить. И Регина всегда жалела об этом.

Но их младшая дочь — общая их дочь с мужем Платоном — родилась все же здесь, на Патриках.

Все, кто родился здесь и прожил достаточно долго, — эпикурейцы. Так думала Регина. Здесь, в воздухе над этим ленивым прудом, над улочками и переулками, разлит этакий вирус эпикурейства. Особого взгляда на жизнь.

Однако во времена великой депрессии, апатии и странного безразличия ко всему, окутавшему Москву в последние годы, даже занятым эпикурейцам приходится несладко.

Сколько тут всего было, на Патриках, и сколько позакрывалось! Сколько планов и надежд разрушилось, расточилось как дым! Во времена оны было принято считать, что Патрики — этакое расслабленное хипстерское местечко. Хипстеры и креаклы... О, где вы теперь! «Кто вам целует пальцы...»

Но кое-что сохранилось и до сих пор бурлит, хотя бурление это все больше и больше похоже на пузыри — как те, что вздувает на поверхности пруда нежданно подувший осенний ветер.

В баре «Клава» по вечерам по-прежнему битком. Там изо всех сил пытаются изобразить веселье. Народ клубится у стойки с коктейлями в руках. Музыка играет. Во внутреннем дворике — крохотном, но стильном — сидят за столиками такие же стильные юноши с погасшими взорами и не в меру раззурмявившиеся дамы, когда-то владевшие каким-то бизнесом, а теперь просто проедающие и пропивающие остатки накоплений.

В корейском баре «Киану» тоже пьют и изо всех сил стараются окунуться, как в омут, в веселье. И в «Хлебе и вине», и в новом пабе, что на углу Большого Патриаршего, рядом с аптечным пунктом.

Раньше бар «Клава» посещали колоритнейшие дамы — в пальто от Дольче и Габбана с леопардовым принтом, с сумками из крокодиловой кожи, некоторые даже с махонькими песиками на

сгибе локтя. Они приезжали на Малую Бронную в сверкающих лимузинах. Главная цель — знаменитая триада: бутик белья «Агент Провокатор», бутик «Джузеппе Занотти Дизайн» и, конечно же, «Кристиан Лабутен».

Лимузины уезжали. Колоритные дамы делали покупки и, обвешанные несчетным количеством дорогих фирменных сумок, заканчивали день свой на Патриках, в баре «Клава», обмывая новые туфли-лабутены и шелковые кружевные трусики.

И это все куда-то пропало.

Сказать честно, Регина Кутайсова не очень об этом жалела.

Она сожалела о другом: в некоторых пабах стали нещадно добавлять в коктейли водку. Потому что благородные ингредиенты коктейльных рецептов — ром, ликеры, виски — зверски подорожали.

Регина не могла сказать, что после трагедии со старшей дочерью и всего того, что им пришлось испытать — больниц, докторов, хирургических операций, не принесших особого результата, последовавшего за этим развода с мужем Платоном, раздела имущества, переезда сюда, в доставшуюся ей по договору с мужем квартиру на Патриарших, — она стала выпивать...

Нет, она все еще очень следила за собой. Это доказывали и подтверждали многочисленные (даже чересчур многочисленные) селфи, которые она загружала в свой «Инстаграм» — в разных нарядах, в изящных позах, — пытаясь донести до окружающего ее мира мысль: вот она, и все невзгоды и потери, даже развод, ей нипочем в ее пятьдесят лет!

Но выпить порой тянуло. И переизбытка водки в коктейлях как-то не хотелось.

Регина снова прищурилась, наблюдая пруд и аллею сквера. А это уже не зеваки-туристы. Это две местные достопримечательности — Хромая Марго и Лысая Золушка.

Две старые как мир проститутки, уличные, работающие на Патриках с незапамятных вре-

мен. Им наверняка уже тоже по полтиннику, но у них все еще есть клиенты.

Обе модельного, почти баскетбольного роста, их сразу увидишь в любой толпе. Утро... Их ночная смена закончилась. Чешут они из ближайшего отеля, что в переулках, после ночи с клиентами. Обе ищут кафе, которое в этот ранний час уже открылось для завтрака.

С бодуна обе, и Хромая Марго и Лысая Золушка, будут как паиньки есть яйца пашот и пить кофе капучино. Они снимают квартиру где-то у черта на куличках, как обычно — где-то в Выхино или Жулебино, но дни свои и ночи проводят здесь, на этом пяточке, на четырех углах, где каждый угол считает себя единственным «углом на Патриарших».

Регина следила за ними взглядом. Хромая Марго не хромает. Она прозвана так потому, что однажды у нее просто отломился высоченный каблук у замшевого ботфорта. Эта дылда носит розовые колготки, кожаную юбку-мини и кожаный бомбер.

Лысая Золушка, по слухам, которые так любят Патрики, в молодости облысела и с тех пор носит умопомрачительные парики.

Вот эти две старые курвы плывут себе, грациозно покачиваясь на шпильках, виляя бедрами, завлекая, хотя кругом нет никого, способного клюнуть на перепихон.

А ее дочь не может вот так грациозно...

И перепихнуться ей, видимо, тоже уже не суждено.

И дети... Детей у нее никогда не будет.

Ее прекрасная старшая дочь стала такой, что теперь ни один мужчина... ни один парень из их круга не станет...

И что же, всему этому так и придется остаться *вот так, без уплаты по всем счетам?*

Регина Кутайсова обернулась. Она почувствовала, что ее дочь рядом. Что, пока она медитировала, наблюдала утреннюю жизнь у пруда, дочь, закончив свои дела в туалете, не ушла к себе в спальню. Нет, она

стояла, опершись спиной о дверной косяк, и наблюдала за ней, своей матерью.

— Что, Ло? — мягко спросила Регина. — Еще рано, поспала бы ты.

— Мама, почему у тебя так блестят глаза? — спросила дочь.

— Блестят? У меня?

— Блестят как у хищника, — ответила дочь.

Регина не ответила. Дочь порой говорит странные вещи. Но в наблюдательности ей тоже не откажешь. А вот с другими вещами у нее полная катастрофа.

Когда Регина снова обернулась, анфилада за ее спиной уже была сумрачна и пуста.

Регина подумала: несмотря на свое увечье и неуклюжесть, дочь ее все же движется вполне уверенно и бесшумно.

И глаза ее тоже блестят в сумраке утра, словно глаза дикой кошки.

За окном, мимо пруда, мимо лип, мимо желтого ресторана «Павильон», похожего на этакий Трианон-Мальмезон у воды, проехал, пыхтя, дребезжа щетками, мини-чистильщик, мобильный дворник.

Где-то внизу хлопнула дверь подъезда — старуха в накиннутой поверх синего спортивного костюма ветровке с эмблемой «Динамо» отправилась в подвальный магазин «Продукты», что в двух шагах от розового дома.

На Патриках все еще жили старики-пенсионеры — в основном из бывших работников ЦК и Совмина, осколки...

И маленькие магазинчики в подвалах фешенебельных домов стали открывать все чаще — признак великой депрессии и нищеты.

Регина подумала, что в это субботнее утро неплохо бы встретиться с подругой.

Ей отчего-то не хотелось в это утро оставаться наедине с дочерью в пустой огромной квартире.

Глава 5

ЧТО ПОВЕДАЛ ТРУП

— Состояние тела оставляет желать лучшего, — эксперт-патологоанатом Сиваков — давний знакомец полковника Гущина и Кати — потыкал пальцем в резиновой перчатке грудную клетку трупа.

Они втроем стояли в прозекторской, возле покрытого нержавеющей стали стола со стоком. Все трое — как космонавты, в защитных комбинезонах и масках из пластика. Под носом у Кати было густо намазано белой мазью, пахнущей ментолом и мятой. Но все равно она ощущала этот кошмарный запах, наполнявший прозекторскую.

Не хотела она ехать в морг! Да Гущин и не просил ее. То есть она собиралась, но планировала, по обыкновению своему, просидеть все вскрытие на банкетке в коридоре, робко и лишь изредка поглядывать туда, за стекло, в прозекторскую, где визжали хирургические пилы, а сам Сиваков в облачении патологоанатома напоминал безжалостного доктора Моро.

Но когда они приехали туда с Гущиным, когда санитары бодро повезли тело на каталке готовить к экспертизе, Катя посмотрела на полковника и...

Краше в гроб кладут!

Гущин не выносил вскрытий. По долгу службы он обязан был присутствовать в прозекторской, однако давалось ему это с трудом. Сколько раз бывало — тот же эксперт Сиваков приводил его в чувство при помощи нашатыря.

Вот и сейчас Гущин был бледен как мел, решителен и одновременно странно робок. Он топтался на пороге кабинета, где патологоанатомы одевались в специальные костюмы.

— Ну да, ну да... сейчас... сейчас.. я только...

Кате стало жаль полковника Гущина. Она все никак не могла забыть их прошлое дело, когда он так героически спас ребенка, когда не колебался ни

секунды, а сейчас делал над собой явное усилие, чтобы не потерять лицо перед Сиваковым.

— Ладно, пойдёмте вместе, Федор Матвеевич, — опрометчиво сказала она, желая его подбодрить.

И тут же пожалела об этом.

А стоя в прозекторской возле стола с телом, ощущая *эту вонь*, несмотря на ментоловые усы из мази на верхней губе, она пожалела стократ!

Ей показалось, что, когда она сказала, что пойдёт с ним *туда*, в глазах Гущина мелькнула искорка. И тут же он ещё больше побледнел.

— Какова давность смерти? — спросил он глухо из-под своей прозрачной маски.

— Три-четыре дня. Консистенция кожных покровов рыхлая, — Сиваков все тыкал несчастное тело.

А затем взял огромные, страшного вида хирургические ножницы и начал осторожно обрезать одежду — куртку, свитер, футболку, спущенные до лодыжек трусы и брюки.

Слипшуюся, грязную, окровавленную одежду он аккуратно складывал в контейнер на соседнем столе.

Когда тело предстало в своей первоначальной наготе, помощник Сивакова взял анализы крови.

Сиваков низко наклонился и, чуть не касаясь маской ужасных кожных покровов, начал что-то рассматривать. Затем взял пинцет, начал собирать какие-то образцы из ран.

Катя широко расставила ноги и изо всех сил уперлась в мраморный пол прозекторской. Ничего такого ещё не произошло, а ей уже дурно.

Она покосилась на полковника Гущина. Тот неотрывно глядел на пинцет в руках патологоанатома.

— Мужчина, европейской внешности, возраст от сорока до сорока пяти лет, — монотонно забубнил Сиваков. — Средней упитанности, с хорошо развитой мускулатурой. Возможно, светлый блондин или рыжий.

«Головы-то нет. Как он узнал, что рыжий?» — подумала Катя.

— Веснушки на коже груди, пигментация, рыжие волосы на ногах, светлые волосы в об-

ласти лобка. Явно не брютет, — Сиваков словно откликнулся на ее незаданный вопрос. — В ранах в области шеи и запястий много хвои, фрагменты листьев, перегной.

— Я предположил, что его убили где-то в другом месте, а в лес у Калужского шоссе привезли на машине похоронить. Но если в самих ранах хвоя и перегной, то что? — еще более хрипло спросил Гушин. — Могли и в лесу убить и расчленивать?

— Могли и в лесу, — ответил Сиваков. — Но раны могли быть так загрязнены и в момент захоронения. Точно сказать невозможно. Ищите место, где он был убит.

Гушин тут же хотел звонить, дать ЦУ, чтобы местные оперативники повторно выехали в лес к шоссе и осмотрели прилегающую к могиле территорию уже со служебной собакой. Но в комбинезоне мобильный было не достать из кармана. Да и маска мешала болтовне.

— Что стало причиной смерти? — спросил он.

— Не знаю пока, — ответил Сиваков. — Раны на руках и в области шеи рубленые. Много осколков костей. Нанесли несколько ударов, скорее всего, топором.

— Раны на руках прижизненные, — сказал Гушин. — Он был еще жив, когда ему отрубили кисти, чтобы затруднить опознание.

— Это повреждение, — Сиваков указал пальцем на торчащий из плеч фрагмент позвоночника, — посмертное.

Внезапно он обернулся к переговорнику и попросил:

— Анализ крови как можно скорее чтобы был готов.

— Алкоголь? Думаешь, был пьян? — спросил Гушин.

— У него следы инъекций на плече, — Сиваков кивнул на тело. — Делали укол прямо через одежду. И не в то место, куда обычно колются сами наркоманы.

Катя ничего не различила в этом ужасе разложения. Никаких следов инъекций. Но Сивакову поверила.

— Резать или сначала все вместе осмотрим одежду? — неожиданно самым невинным тоном предложил Сиваков.

«Он над нами потешается, — подумала Катя. — Это при мертвом-то изуродованном теле! Думает, если сейчас резать-вскрывать его начнет, мы с

Гуциным в обморок прямо здесь хлопнемся. Сначала я, потом он. Нет, сначала он, потом я».

— Одежду, одежду давай, — неприлично торопливо попросил Гуцин. — Я бегло куртку осмотрел — ни документов, ни бумажника, ни кредиток, ни мобильного.

— На пластике кредиток остаются хорошие отпечатки пальцев, — словно сожалея, сказал Сиваков и повернулся к контейнеру со срезанной одеждой.

Он медленно брал из контейнера фрагменты и раскладывал на мраморной столешнице. Ощупывал. Смотрел, есть ли бирки, метки.

Куртка, свитер, футболка...

— Одежда поношенная, но хорошего качества, — сказал Гуцин.

— Свитер корейский, мохер с синтетикой, — Сиваков гладил пальцами в перчатке окровавленный лоскут с биркой. — Такие раньше продавали на вещевых рынках, а теперь — в торговых центрах при вокзалах, на станциях. А также в маленьких городах, где не особо модничают.

— Татуировок нет, — заметил Гуцин. — Ни одной. Не отпетый уголовник, однако все же был ранее судим.

— А вот ботинки у него очень хорошие. Замшевые, — заметил Сиваков, извлекая из контейнера ботинок и внимательно его рассматривая. — Сорок третий размер. Ну правильно, мужик роста был выше среднего. Он не производит впечатление хилого и слабого.

Он достал из контейнера окровавленные лоскуты трусов. И снова обернулся к телу.

— Взгляните на раны в области половых органов, — сказал он. — Ожоги в области лобка, мошонки. Использовали или зажигалку, или маленький самодельный факел. Ту же ветку сухую могли поджечь и ткнуть. Пытали его, дорогие мои коллеги. Прижигали перед тем, как убить.

— Пытали? — еле слышно прошелестела Катя.

— Вот именно. Интересно, что нам даст анализ крови? — Сиваков покачал головой. — Пытки. Прижизненные раны рук, удаление кистей, головы...